

Отношеніе къ старообрядцамъ свѣтскаго правитель- ства въ царствованіе Императора Петра III.

О Петрѣ III-мъ въ исторической литературѣ установилось исполнѣ опредѣленное мнѣніе. Въ его лицѣ на русскомъ престолѣ была „довольно комическая фигура“¹⁾, о которой современники и особенно современницы въ своихъ мемуарахъ оставили не мало „никантныхъ“ рассказовъ. По выраженію кн. Дашковой, въ своихъ поступкахъ Петръ III-й былъ „ниже шута“²⁾. „Его образъ мыслей и дѣйствій, говоритъ В. О. Ключевскій, производилъ впечатлѣніе чего-то удивительно-недодуманнаго и недодѣланнаго. На серьезныя вещи онъ смотрѣлъ дѣтскимъ взглядомъ, а къ дѣтскимъ затѣямъ относился съ серьезностью зрѣлаго мужа“³⁾.

И несмотря, однако, на это, „едва ли кто изъ русскихъ государей XVIII в. былъ такъ популяренъ въ простомъ народѣ, какъ этотъ голштинецъ“⁴⁾, едва ли кто изъ нихъ пользовался такими симпатіями въ крестьянскихъ массахъ, какъ именно этотъ „непутевый“⁵⁾ человѣкъ. Простой народъ сохранилъ о немъ свѣтлыя воспоминанія и съ его именемъ долгое время связывалъ свои сокровенныя чаянія и упованія.

Высокое представленіе о личности Петра III-го было особенно распространено въ средѣ русскихъ старообрядцевъ. Популяриность его здѣсь достигала чрезвычайно широкихъ размѣровъ. Въ сознаніи ревнителей древняго благочестія

¹⁾ *Оирсовъ Н. Н.*, Пугачевщина. Изд. Г-на М. О. Вольфа. С.-Петербургъ и Москва. Стр. 51.

²⁾ *Рус. Стар.*, 1906 г., мартъ, стр. 629.

³⁾ *Ключевскій, В. О.*, Курзь Русской Истории. Ч. IV, стр. 156. Москва, 1910.

⁴⁾ *Оирсовъ, Н. П.*, *cit. op.*, стр. 51.

⁵⁾ *Ibid*

Петръ III-й являлся не только заступникомъ простаго бѣднаго люда, но и охранителемъ староѣ, правой вѣры, защитникомъ „креста и бороды“. По взгляду старообрядцевъ тѣхъ временъ, Петръ III-й какъ будто былъ принципиальнымъ поборникомъ раскола, внутренно и глубоко убѣжденнымъ въ его правотѣ. Онъ дурно относился къ православной церкви и ея представителямъ; и старообрядцы учитывали это, какъ выраженіе его искреннихъ симпатій именно къ нимъ. Имъ казалось, что защита Императоромъ осмиконечнаго креста и древне-русской бороды была его личнымъ дѣломъ, являлась главной и основной цѣлью его жизни.

Такое мнѣніе старообрядцевъ о личности Петра III-го лишено дѣйствительной исторической почвы. Петръ III-й по своимъ личнымъ качествамъ и по образу своего поведенія былъ менѣ всего пригоденъ для роли принципиальнаго защитника древняго благочестія. Этотъ Императоръ не уважалъ ничего русскаго. Къ русскому бытовому укладу онъ относился съ явнымъ пренебреженіемъ. Россію онъ называлъ проклятой страной и пугался ея, какъ пугаются дѣти, оставшіяся одни въ обширной пустой комнатѣ ¹⁾. Къ русскому благочестію онъ относился вообще отрицательно. Современники рассказываютъ, что, когда тѣло умершей Елизаветы Петровны стояло во дворцѣ и народъ свободно приходилъ поклониться праху Императрицы, у гроба иногда являлся и Петръ III-й. Но что дѣлалъ онъ здѣсь? „Петръ III-й разговаривалъ съ приближенными, шутилъ съ фрейлинами, передразнивалъ священниковъ, дѣлалъ замѣчанія почетному караулу“ ²⁾. Онъ „въ самое то время, когда скончавшаяся Императрица лежала во дворцѣ еще во гробѣ и не погребена была, цѣлыя ночи провождалъ съ любимцами, лестцами и прежними друзьями своими, въ пиршествѣ и питѣ“ ³⁾. Въ Троицннъ день „онъ въ придворной церкви принималъ иностранныхъ министровъ и дворянство, ходилъ по церкви, какъ будто въ своихъ покояхъ, взадъ и впередъ, громко разговаривалъ съ лицами обоого пола, между тѣмъ какъ торжественно совершалось богослуженіе“ ⁴⁾. „когда всѣ опустились

¹⁾ *Ключевскій, В. О.*, cit. op., стр. 458—459.

²⁾ *Бильбасовъ, В. А.*, Исторія Екатерины Второй, г. I, стр. 423. СПб. 1890.

³⁾ *Болотовъ, А. Т.*, Записки, т. II-й, стр. 170. СПб. 1871.

⁴⁾ *Бильбасовъ, В. А.*, cit. op., стр. 424.

на колѣни, Петръ III-й съ громкимъ смѣхомъ вышелъ изъ церкви и возвратился лишь по окончаніи колѣнопреклоненной молитвы“¹⁾. Вскорѣ Петръ III-й пошелъ еще далѣе: онъ изъявилъ желаніе, чтобы всѣ образа, кромѣ Спасителя и Богоматери, были вынесены изъ церкви, чтобы священники обрили свои бороны и поповскія рясы замѣнили сюртуками²⁾. Его обычное времяпрепровожденіе было діаметрально противоположно тому благочестивому житію, о которомъ мечтали старообрядцы. Петръ III-й перевялъ у прусскихъ офицеровъ, окружавшихъ его, дурныя привычки и грубыя, кутѣжь сдѣлалъ своимъ любимымъ занятіемъ. При Императрицѣ Елизаветѣ о табакѣ не было слышно во дворцѣ, потому что она терпѣть его не могла: не терпѣлъ его въ то время и великій князь Петръ Ѳеодоровичъ. Но сдѣлавшись Императоромъ племянникъ Елизаветы Петровны, увидѣвъ, что его учителя-голштинцы курятъ, началъ курить и самъ. Вскорѣ же онъ пристрастился не только къ табаку, но и къ вину и пиву. Прежній его паставникъ Шгелинъ, увидавъ его впервые съ трубкою за пивомъ, выразилъ свое крайнее изумленіе. Но Петръ сказалъ ему: „Чему ты удивляешься, глупая голова? Развѣ ты видалъ хотя одного настоящаго браваго офицера, который бы не курилъ“³⁾. Одинъ изъ современниковъ, извѣстный Болотовъ, бывшій въ это время адъютантомъ главнаго начальника полиціи Николая Корфа, ѣздившій съ нимъ во дворецъ и имѣвшій поэтому возможность наблюдать то, что тамъ происходило, вотъ что рассказываетъ о поведеніи Петра III-го и его приближенныхъ: „мы, говоритъ онъ, могли всегда въ растворенныя двери слышать, что государь ни говорилъ съ другими, а иногда и самого его и всѣ дѣянія видѣть. Но сіе было для насъ удовольствіемъ только сначала, а въ послѣдствіи времени скоро дошло до того, что мы желали уже, чтобы таковыя разговоры до нашего слуха и не достигали; ибо какъ рѣдко стали уже мы заставить государя трезвымъ и въ полномъ умѣ и разумѣ, а всего чаще уже до объѣда нѣсколько бутылокъ аглинскаго пива, до ко-

1) Ibid.

2) Ibid.

3) *Словесъ, С. М.*, Исторія Россіи, кн. 5 я, стр 1309, изд. 3-е, Т-ва „Общественная Польза“. СПб.

того онъ былъ превеликій охотникъ, уже опорознившимъ, то сіе и бывало причиною, что онъ говаривалъ такой вздоръ и такія нескладицы, что при слушаніи оныхъ обливалось даже сердце кровію отъ стыда предъ иностранными министрами, видящими и слышащими то, и безсомнѣнно смѣющимися внутренно. Истинно, бывало, вся душа такъ поражается всѣмъ тѣмъ, что бѣжалъ бы неоглядкою отъ зрѣлища такового!—такъ больно было все то видѣть и слышать“.

„Но никогда такъ много,—продолжаетъ тотъ же современникъ,—не поражался я досадными зрѣлищами таковыми, какъ въ то время, когда случалось государю ѣзжать обѣдать къ кому-нибудь изъ любимцевъ и вельможъ своихъ и куда должны были послѣдовать всѣ тѣ, къ которымъ оказывалъ онъ отнѣнное свое благоволеніе, какъ напримѣръ и генералъ мой и многіе другіе, а за ними и всѣ ихъ адъютанты и ординарцы. Табунъ, бывало, цѣлый поскачетъ вслѣдъ за побѣжавшими и хозяинъ успѣвай только всѣхъ угащивать и подчивать; ибо натурально вездѣ и для насъ даваемы были столы. Одни только трубки и табакъ приваживали мы съ собою изъ дворца свои. Ибо какъ государь былъ охотникъ до куренія табаку и любилъ, чтобъ и другіе курили, а всѣ тому натурально въ угодность государю и подражать старались, то и приказывалъ государь, всюду куда ни поѣдетъ, возить съ собою цѣлую корзину голландскихъ глиняныхъ трубокъ и множество картузовъ съ кнастеромъ и другими табаками, и не успѣемъ куда пріѣхать, какъ закурятся у насъ нѣсколько десятковъ трубокъ и въ одинъ мигъ вся комната наполнится густѣйшимъ дымомъ, а государю то было и любо, и онъ, ходючи по комнатѣ, только что шутилъ, хеатилъ и хохоталъ. Но сіе куда бы уже ни шло, еслибъ не было ничего дальнѣйшаго и для всѣхъ россиянь постыднѣйшаго. Но та-та была и бѣда наша! Не успѣютъ, бывало, сѣсть за столъ, какъ и загремятъ рюмки и покалы, и столъ прилежно, что, вставши изъ за стола, сдѣлаются иногда всѣ, какъ малепкіе ребяточки, и начнутъ шумѣть, кричать, хохотать, говорить нескладицы и песообразности сушія. А однажды, какъ теперь вижу, дошли до того, что, вышедши съ балкона прямо въ садъ, пу, играть всѣ тутъ на усыпанной пескомъ площадкѣ, какъ играютъ маленькіе ребятки. Пу, всѣ прыгать на одной ножкѣ, а другіе согну-

тымъ колѣномъ толкать своихъ товарищей подъ задницы и кричать: „ну! ну! братцы кто удалѣе, кто шибеть съ ногъ кого первый“, и такъ далѣе. А по сему судите, каково же намъ было тогда смотрѣть на зрѣлище сіе изъ оконъ и видѣть симъ образомъ всѣхъ первѣйшихъ въ государствѣ людей, украшенныхъ орденами и звѣздами, вдругъ сыргибающихъ, толкущихся и другъ друга на-земь валяющихъ. Хотеть, крики, шумъ, бѣненіе въ ладоши раздавались только всюду, а покалы только что гремѣли“¹⁾).

Презрѣніе ко всему русскому, начиная съ православія, безграничное поклоненіе Фридриху II-му и безпредѣльное уваженіе къ голштинской „сволочи“, состоявшей, по выраженію кв. Дашковой, изъ сыновей нѣмецкихъ сапожниковъ, склонность къ безшабашнымъ кутежамъ съ виномъ, женщинами и табачнымъ дымомъ—вотъ основныя черты настроенія и поведенія Императора Петра III-го. Можно-ли послѣ этого хотя на минуту допустить, чтобы онъ былъ идейнымъ защитникомъ древняго благочестія. Голландская трубка съ кнастеромъ и бокалъ англійскаго пива лично для него имѣли несомнѣнно бѣльшее значеніе, чѣмъ осмиконечный крестъ и древнерусская борода.

И тѣмъ не менѣе, въ симпатіяхъ старообрядцевъ къ Императору Петру III-му есть встаки вѣкоторая историческая подкладка; представленіе о немъ, какъ о защитникѣ старой вѣры, въ своей основѣ имѣетъ извѣстныя историческія данныя. Только эти данныя не такъ понимаются и не такъ истолковываются старообрядцами. Царствованіе Петра III-го было дѣйствительно чрезвычайно важнымъ моментомъ въ исторіи русскаго раскола. Въ тѣ немногіе мѣсяцы, когда русскимъ императоромъ былъ этотъ „голштинецъ“, предъ старообрядцами раскрылись такія широкія перспективы, о которыхъ они нѣсколько раньше не смѣли даже и мечтать. Въ это время путемъ законодательныхъ актовъ провозглашались начала свободы вѣроисповѣданія въ Россіи. Для старообрядцевъ, которые въ прошломъ испытывали только одни гоненія и преслѣдованія со стороны правительства, это было неожиданно. Но разбираться въ вопросѣ о томъ, чѣмъ вызывалась такая перемѣна въ отношеніи къ нимъ правительства, кто

¹⁾ Болотовъ, А. Т., cit. op., стр. 204—205.

былъ дѣйствительнымъ виновникомъ даруемыхъ имъ благъ— для старообрядцевъ не представлялось дѣломъ необходимости. Для нихъ ясно было только одно, что милости исходятъ отъ царя; значить, онъ и является виновникомъ ихъ, значить, онъ сочувствуетъ и любитъ то, во что вѣрять и чему поклоняются они. Незрѣлое сознаніе старообрядцевъ, не навывшее разбираться въ сложныхъ вопросахъ политики, смѣшивало въ эгомъ случаѣ взгляды Императора, какъ личности, съ его воззрѣніями, какъ главы правительства. Очевидно, въ данномъ случаѣ произошла обычная ошибка, часто повторяющаяся при воспріятіи различныхъ законодательныхъ актовъ простымъ народнымъ сознаніемъ. Винить за это старообрядцевъ нельзя, но взглядъ ихъ на этотъ вопросъ слѣдуетъ исправить. Суть дѣла, очевидно, заключается не въ личныхъ отношеніяхъ Петра III-го къ старообрядцамъ, а въ отношеніи къ нимъ правительства при эгомъ государѣ.

Что же сдѣлало правительство Петра III-го въ отношеніи старообрядцевъ? Какія причины обуславливали характеръ принятой по отношенію къ нимъ политики? И кто былъ дѣйствительнымъ вдохновителемъ ея? ¹⁾

1. 25-го декабря 1761-го года Императрица Елизавета Петровна скончалась. На Русскій Престолъ вступилъ ея племянникъ. Быстрый и порывистый, онъ немедленно принялся за государственное строительство. Сразу же наступила лихорадочная и въ то же время безпорядочная законодательная дѣятельность; началось „скорое и дружное перековеркованіе всѣхъ дѣлъ и прежнихъ распоряжковъ“ ²⁾. Въ теченіе шестимѣсячнаго царствованія законодательная машина работа-

¹⁾ Вопросъ объ отношеніи къ старообрядцамъ правительства Петра III-го до сихъ поръ не былъ еще предметомъ спеціальнаго разсмотрѣнія со стороны изслѣдователей. Его немного коснулся только *Неаевъ В. В.* въ своей статьѣ: „Расколъническая контора“. [Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министертства вѣстницъ. Кн. VII-я. Другіе же изслѣдователи, какъ, напр., *Сапожниковъ, Д. П.*, обходятъ совершеннымъ молчаніемъ царствованіе Петра III-го, заявляя, что въ правленіе этого Императора мы „не встрѣчаемъ даже и такихъ распоряженій о расколѣ, которыя заслуживали бы нашей замѣтки“ (Самосожженіе въ русскомъ расколѣ. М. 1891 г., стр. 133).

²⁾ *Болотовъ, cit. op.*, стр. 170.

ла во-всю. Но качество этой работы было сомнительное. Въ царствованіе Петра III-го было издано только „нѣсколько важныхъ и дѣльныхъ указовъ“¹⁾; все же остальное законодательное творчество посылало слѣды какой-то „нескладницы“. Въ законодательной дѣятельности правительства Петра III особенно сказывалась одна черта. Это — непродуманность и происходящая отсюда непослѣдовательность. Очевидно, у правительства не было ясно выработаннаго плана, опредѣленной государственной программы. Вотъ почему бывали случаи, что одинъ указъ противорѣчилъ другому, одно распоряженіе отменялось другимъ.

Кажется, только въ одномъ вопросѣ правительство Петра III-го дѣйствовало неуклонно, имѣя предъ собою ясно соизнанную и твердо поставленную задачу. Это — въ вопросѣ объ отношеніи къ старобрядцамъ. Здѣсь оно шло все время прямымъ путемъ, не путалось само и не производило путаницы въ той средѣ, которой касалась его законодательная дѣятельность.

Въ царствованіе Петра III-го свѣтскимъ правительствомъ было издано собственно только три законодательныхъ акта, имѣющихъ прямое и непосредственное отношеніе къ старобрядцамъ.

Первый изъ нихъ послѣдовалъ 29-го января 1762-го года. Въ этотъ день: „Собранію Правительствующаго Сената Генераль-Прокуроръ и кавалеръ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ объявилъ: что Его Императорскаго Величества Всевысочайшее соизволеніе есть, бѣглымъ Россійскимъ раскольникамъ, которые живутъ въ Польшѣ и въ другихъ заграничныхъ мѣстахъ, и многіе желаніе имѣютъ возвратиться въ Россію, съ тѣмъ, чтобъ имъ въ содержаніи закона по ихъ обыкновенію и старопечатнымъ книгамъ ни отъ кого возбраненія не было, о чемъ въ Сенатѣ и по Раскольничей Канторѣ у сочиненія по матеріямъ пунктовъ многократно трактовано было, но разрѣшенія на то не учинено, Всемпостыѣнше па то имъ позволить и, къ поселенію ихъ въ Сибири, Барабинскую степь и другія тому подобныя мѣста отвѣсть и никакого въ содержаніи закона, по ихъ обыкновенію, возбраненія не чинить; ибо внутри Всероссійской Его Императорскаго Величества

¹⁾ Ключевскій, В. О., сіѣ. ор., стр. 460.

Имперіи и иновѣрные, яко магометане и идолопоклонники, состоятъ, а тѣ раскольники Христіане, точію въ единомъ застарѣломъ суевѣрїи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состоянїи множественнымъ числомъ проживаютъ бесполезно, и для того Его Императорское Величество Высочайше указать соизволилъ, о томъ сочиня Сенату обстоятельное учрежденіе, предложить къ Высочайшей Его Императорскаго Величества апробаціи. Во исполненіе оваго, Правительствующій Сенатъ *приказали*: объ оныхъ раскольникахъ изъ имѣющихся въ Сенатѣ дѣлъ сочиня экстрактъ, и на апробацію учрежденіе предложить къ разсмотрѣнію Сената немедленно¹⁾.

Какъ видно, законодательный актъ не затрагивалъ вопроса объ общемъ положенїи русскихъ старообрядцевъ, имѣлъ въ виду не весь старообрядческій міръ, а касался лишь отдѣльной группы старообрядцевъ, именно—„бѣглыхъ раскольниковъ“, проживавшихъ въ Польшѣ и въ другихъ заграничныхъ мѣстахъ.

Вопросъ о бѣглыхъ вообще и о бѣглыхъ раскольникахъ въ частности ко времени царствованія Петра III-го принялъ очень серьезный и острый характеръ. Бѣгство среди крестьянскаго населенія стало къ тому времени какимъ-то повальнымъ явленіемъ. Крѣпостной бѣжалъ отъ барина, солдатъ отъ капрала, раскольникъ—отъ православнаго пастыря. Это печальное явленіе было прямымъ слѣдствіемъ крайняго развитія крѣпостного состоянія. „Практика крѣпостного права,—говоритъ В. А. Бильбасовъ,—быстро деморализовала всѣ слои общества, всѣ сословія: не только въ крѣпостномъ быту, но въ военной службѣ и даже въ религіозныхъ дѣлахъ жестокіе нравы, культивируемые закрѣпощеніемъ, отравляли жизнь русскаго человѣка, дѣлали ему отечество „нелюбознымъ“. Помѣщикъ смотрѣлъ на души, которыми владѣлъ, какъ на доходную статью; капралъ „снималъ шкуру“ съ рекрута, вбивая ему кодексъ военныхъ артикуловъ; послѣднее прибѣжище несчастныхъ—церковь въ своихъ представителяхъ того времени, тоже владѣвшихъ „душами“, терявъ „духъ терпѣнія и любви“, насиловала совѣсть паствы не

¹⁾ Г-е Полное Собраніе Законовъ, т. 15, № 11. 420.

дозволяя ей свободно молиться. Выходъ изъ этого дѣйстви-тельно тяжелаго положенія былъ одинъ — бѣгство изъ любезнаго отечества за границу“¹⁾. Бѣгство такимъ образомъ было пассивнымъ протестомъ противъ ужасовъ крѣпостнаго права²⁾, какъ оно сложилось ко времени царствованія Петра III-го.

Вся эта недовольная масса пассивно протестующихъ русскихъ людей уходила въ сосѣднія государства: Швецію, Турцію, Пруссію, Саксонію, Австрію. Но особенно много „бѣглыхъ“ было въ сосѣдней Польшѣ, которая въ половинѣ XVIII вѣка въ отношеніи русской эмиграціи играла роль нынѣшней Швейцаріи. Здѣсь бѣгле русскіе люди чувствовали себя вѣдъ предѣловъ досягаемости; здѣсь имъ жилось лучше и дышалось свободнѣй. Они охотно шли сюда, между прочимъ, и потому еще, что польскій рубежъ былъ для нихъ ближе, переходъ черезъ него не представлялъ большихъ затрудненій. Самое географическое положеніе русско-польской границы такимъ образомъ много содѣйствовало накопленію русскихъ бѣглыхъ именно въ Польшѣ³⁾.

Какъ велико было число бѣжавшихъ въ Польшу и здѣсь поселившихся русскихъ людей—опредѣленно сказать трудно. Но несомнѣнно, что численность бѣглыхъ достигла здѣсь громадной цифры. По выраженію одного документа, „многія тысячи въ Польшѣ и Литвѣ по деревнямъ и домамъ у шляхетства и особыми великими слободами жительство имѣють“⁴⁾. Обиліе скопившихся въ Польшѣ бѣглыхъ ко времени вступленія на престолъ Петра III-го дѣлало этотъ вопросъ серьезной государственной задачей. Изысканіе мѣръ для предупрежденія бѣгства за границу русскихъ людей вообще и раскольниковъ въ частности должно было стать предметомъ особенныхъ заботъ его.

Борьба съ этимъ глубоко ненормальнымъ явленіемъ занимало еще правительство Елизаветы Петровны. Уже въ царствованіе этой Императрицы въ цѣляхъ борьбы съ указаннымъ зломъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ. Прави-

1) *Бильбасовъ*, cit. op., т. 2-й, стр. 216.

2) *Фирсовъ*, cit. op., стр. 40—41.

3) *Бильбасовъ*, cit. op., стр. 217.

4) Инструкция гр. Кейзерлингу, см. Сборникъ Рус. Ист. Общ., XLVIII. 64

тельство прежде всего старалось предупредить возможность перехода раскольниковъ за границу. Въ концѣ 1760 го года Бѣлгородскій епископъ Іоасафъ доносилъ Св. Синоду, что при разслѣдованіи дѣла о совращающихся въ расколъ правобѣрныхъ, попъ села Мелехова, Курскаго уѣзда, Ульяшъ Булгаковъ, между прочимъ, заявилъ, что раскольники свободно переходятъ польскій рубежъ и тамъ становятся „недосягаемыми“ для русскихъ властей. Св. Синодъ, разсмотрѣвъ это доношеніе преосвященнаго Іоасафа, препроводилъ въ Правительствующій Сенатъ вѣдѣніе, коимъ требовалъ, чтобъ о пресѣченіи такового изъ Россіи за рубежъ прохода учинено было онаго Правительствующаго Севата благопрістойное опредѣленіе и, куда слѣдуетъ, наикрѣпчайшими указами подтвержденіе ¹⁾. Такимъ путемъ правительство Елизаветы Петровны думало создать чисто внѣшнюю преграду для убѣгающихъ въ Польшу раскольниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно старалось также и о томъ, чтобы возвратить бѣглецовъ въ Россію. Предметомъ его вниманія были не только тѣ раскольники, которые пытались бѣжать, но и тѣ, которые уже ушли за границу и проживали въ Польшѣ. Таковыхъ правительство прямо и открыто вызывало въ Россію, обнадеживая при этомъ милосердіемъ Императрицы. Но всѣ мѣры не достигали желанныхъ результатовъ. Бѣгство не прекращалось и бѣглецы не возвращались обратно. Причина воляѣ понятна. Правительство Елизаветы Петровны боролось собственно съ *послѣдствіями*, не устранивъ *причинъ* разсматриваемаго явленія. Притѣсненія, которыя испытывали въ Россіи раскольники и которыя собственно заставляли ихъ бѣжать за границу, продолжались по прежнему. Правда, правительство пыталось бороться и съ этимъ; но его борьба носила какъ-то платоническій характеръ: все дѣло ограничивалось одними словами. Такое отношеніе правительства къ старообрядцамъ, живущимъ въ Россіи, было, конечно, хорошо извѣстно ихъ единомышленникамъ, проживавшимъ въ Польшѣ и другихъ заграничныхъ мѣстахъ. Немудрено поэтому, что на призывы правительства зарубежные раскольники отвѣчали полнымъ молчаніемъ ²⁾. Очевидно, нужны бы-

¹⁾ Собраніе постановленій по частн раскола. Кн. I-я, Сиб. 1860 г., стр. 569.

²⁾ Правительство, вызывая раскольниковъ изъ за границы, „обнадежи-

ли другія мѣры, болѣе и цѣлесообразныя и болѣе рѣшительныя.

Правительство Петра III-го сдѣлало новую постановку этого вопроса. Оно хорошо понимало, что въ данномъ случаѣ на полумѣрахъ остапавливаться нельзя. Предъ нимъ вставала диллема: или отказаться совсѣмъ отъ мысли возвратить въ Россію бѣглецовъ-раскольниковъ, или предоставить имъ и въ Россіи права свободнаго отправленія закона по ихъ обыкновенію. Въ своей законодательной дѣятельности по отношенію къ раскольникамъ бѣжавшимъ за границу, оно избрало второй путь, который и намѣчался имъ въ приведенномъ выше указѣ. Указомъ повелѣвалось Правительствующему Сенату для раскольниковъ, которые, удалясь за границу, пожелали бы возвратиться въ отечество, сочинить особое положеніе, по которому таковымъ раскольникамъ надлежало назначить особыя мѣстности для населенія, именно—Барабинскую степь въ Сибири и другія тому подобныя мѣста. Старообрядцамъ такимъ образомъ не должно было предоставляться право селиться тамъ, гдѣ они захотѣли бы, или возвращаться на свои старыя пепелища. По смыслу будущаго положенія они могли вернуться въ свое отечество, но въ свои родныя гнѣзда имъ идти не разрѣшалось. Это въ-первыхъ. А во-вторыхъ, положеніе должно было предоставить возвращающимся бѣглецамъ полную свободу въ содержаніи ими своего закона. Сосредоточенные въ опредѣленныхъ мѣстахъ, они только тогда и могли свободно, безъ всякаго стѣсненія со стороны властей, чинить этотъ законъ „по своему обыкновенію“.

Указанныя начала будущаго положенія о бѣглецахъ-раскольникахъ заключали въ себѣ совершенно новыя мысли, покоились на совершенно новыхъ основаціяхъ. Ничего подобнаго раньше никогда не высказывалось правительствомъ. Правда, мысль о сосредоточеніи русскихъ раскольниковъ въ однихъ опредѣленныхъ мѣстахъ была у правительства и раньше; но тогда она имѣла иной объемъ, преслѣдовала другія цѣли и не обуславливалась необходимостью предоставле-

вало“ ихъ Монаршимъ милосердіемъ; но эти обнадеживанія не могли имѣть для нихъ никакого реальнаго значенія, въ виду общей недоброжелательной политики правительства къ раскольникамъ.

нія раскольникамъ свободы отправленія ими своего закона. Эта же послѣдняя мысль является совершенно новою мыслью правительства какъ по содержанію, такъ и по объему. Правительство Петра III го высказало ее впервые. Но мысли правительства бѣглецы-раскольники должны были стать въ одинаковое положеніе съ иновѣрцами, проживавшими въ Россіи. Если магометане или идолопоклонники могли свободно совершать свои религиозные обряды, то тѣмъ болѣе должны были имѣть право на это раскольники, какъ христіане, только пребывающіе въ застарѣломъ суевѣрїи и упрямствѣ.

Такимъ путемъ правительство Петра III го почти полностью удовлетворяло тѣ требованія, которыя предъявляли къ нему бѣглецы-раскольники. Мы говоримъ почти полностью потому, что бѣглецы, настаивая на предоставленіи имъ свободы отправленія своего закона, думали, что этой свободой они будутъ пользоваться тамъ, откуда они бѣжали, именно на своихъ родныхъ насиженныхъ мѣстахъ, въ чемъ правительство и не шло имъ на встрѣчу.

Разсмотрѣнный указъ прямо и непосредственно касался только части общаго и большого вопроса о старообрядцахъ вообще, объ ихъ положеніи въ государствѣ, какъ членовъ особаго религиознаго общества. Но указъ появился тогда, когда этотъ общій вопросъ совсѣмъ даже и не ставился. Онъ явился не въ надлежащей для него послѣдовательности. Ему долженъ бы былъ предшествовать указъ, въ которомъ этотъ сложный вопросъ разрѣшался бы во всемъ его объемѣ. И ужъ если случилось такъ, что обстоятельства потребовали частичнаго рѣшенія вопроса нѣсколько раньше, то законодатель обязанъ былъ непосредственно послѣ этого выработать законъ, рѣшающій, вопросъ во всей его сложности. Этого не было. И здѣсь нельзя не видѣть косвеннаго отраженія той нескладницы, которая является характерной чертой законодательной дѣятельности правительства Петра III го. Но это, конечно, не должно умалять значенія указа 29-го января, какъ такого законодательнаго акта, которымъ впервые провозглашались начала полной свободы вѣроисповѣданія для старообрядцевъ, хотя правда только и въ отношеніи частичной ихъ группы.

Но не одни бѣглецы-раскольники обращали на себя внима-

ніе правительства Петра III-го. Не меньше вниманія оно удѣляло и другому, несомнѣнно болѣе печальному явленію въ русскомъ старообрядчествѣ, стоявшему при томъ въ прямой и непосредственной связи съ бѣгствомъ и принимавшему такіе же угрожающіе размѣры: это—къ самосожигательству раскольниковъ.

Во времени царствованія Петра III-го самосожженіе среди раскольниковъ стало такимъ же распространеннымъ явленіемъ, какъ и бѣгство ихъ за границу. Какъ мѣстныя власти такъ и центральныя учрежденія къ этому времени все чаще и чаще стали сталкиваться съ фактами этой именно формы религіознаго изуверства. Можно съ полною увѣренностью сказать, что самосожженіе среди раскольниковъ никогда не принимало такихъ широкихъ размѣровъ, какъ именно въ царствованіе Елизаветы Петровны ¹⁾. Вотъ немногіе случайно подобранные печальные факты. Въ 1743-мъ году предали себя сожженію болѣе 18-ти человекъ раскольниковъ въ Сибирской Бѣлоярской крѣпости ²⁾; въ 1748 мѣ году было обнаружено самосожженіе болѣе 70 человекъ обоого пола раскольниковъ въ Устюжской провинціи ³⁾; въ 1753 году въ домѣ разночинца Григорія Сѣркова сгорѣли Тюменскаго ямщики и разныхъ чиновъ люди: мушьянъ 12 и женщинъ 24 человекъ ⁴⁾; въ 1756-мъ году въ деревнѣ Мальцовѣ Чеу-

¹⁾ Сапожниковъ думаетъ иначе. По его мнѣнію, въ царствованіе Елизаветы Петровны самосожженіе въ расколѣ замѣтно шло на убыль. Но къ выводамъ г. Сапожникова слѣдуетъ относиться очень осторожно. Ему осталось неизвѣстнымъ *весьма большое* количество архивнаго матеріала, непосредственно относящагося къ вопросу о самосожженіи раскольниковъ именно въ этотъ періодъ. Достаточно указать на то, что даже въ дѣлахъ Сената онъ пропустилъ одну очень важную для него книгу (№ 21783), заключающую въ себѣ исключительно дѣла о самосожженіяхъ раскольниковъ въ царствованіе Елизаветы Петровны. Правда, онъ заявляетъ, что этой книгѣ, числящейся только по реестру, въ Архивѣ М-ва Юстиціи не имѣется. Г. Сапожниковъ плохо смотритъ: книга эта всегда стояла и теперь стоитъ на своемъ мѣстѣ, поражая обозрѣвателей своими громадными размѣрами... И это только въ дѣлахъ Сената, а сколько подобнаго архивнаго матеріала находится въ другихъ отдѣлахъ того же Архива М-ва Юстиціи, куда Сапожниковъ не только не заглядывалъ, но о существованіи которыхъ онъ, повидимому, даже и не подозревалъ.

²⁾ Указъ Правительствующаго Сената отъ 23 сентября 1743 года.

³⁾ Указъ Пр. Сен. отъ 20 февраля 1749 года.

⁴⁾ Указъ Пр. Сен. отъ 4 октября 1753 года.

скаго острога въ Сибири сгорѣли болѣе 172 человекъ мужиковъ и женщинъ¹⁾; въ 1757-мъ году сожглось 27 человекъ въ Архангелогородской епархіи²⁾; въ 1761-мъ году въ деревнѣ Кузиной Исетскаго острога въ домѣ крестьянина Козьмы Аврамова сгорѣло до 150 душъ³⁾. Указанными фактами не исчерпываются всѣ случаи самосожженія раскольниковъ въ царствованіи Елизаветы Петровны. Въ дѣйствительности ихъ было гораздо больше. Но для насъ и перечисленныхъ фактовъ достаточно для того, чтобы показать, какой серьезный, чисто эпидемическій характеръ приняло самосожигательство раскольниковъ ко времени вступленія на престолъ Петра III-го.

Боролось ли съ этимъ ужаснымъ явленіемъ правительство Елизаветы Петровны? Да, боролось. Въ ея царствованіе былъ изданъ цѣлый рядъ правительственныхъ распоряженій, направленныхъ на борьбу съ указаннымъ зломъ. Но всѣ эти мѣры не могли искоренить изувѣрства раскольниковъ. Борьба велась обычнымъ путемъ, путемъ предписаній болѣе бдительно наблюдать за раскольниками, что въ дѣйствительности равнялось усиленію всевозможныхъ репрессій противъ нихъ, что еще болѣе раздражало ихъ и усиливало въ нихъ рѣшимость уйти отъ земного насилія въ другой міръ. Правда, въ правительственныхъ распоряженіяхъ часто прибавлялись наставленія о томъ, что со зломъ нужно бороться больше словомъ убѣжденія, нежели карательными мѣрами, мечемъ духовнымъ, а не гражданскимъ⁴⁾. Но какое значеніе могли имѣть эти наставленія для исполнителей власти, которая, сталкиваясь съ религіознымъ фанатизмомъ, сама раздражалась и естественно предпочитала въ такихъ случаяхъ прибѣгать къ другимъ, предоставленнымъ ей, болѣе обычнымъ суровымъ и даже жестокимъ средствамъ. Очевидно, и для борьбы съ самосожженіемъ раскольниковъ нужны были другіе способы.

Эти способы должны были имѣть такой же характеръ, какъ и средства борьбы съ бѣгствомъ. Бѣгство и самосожигательство раскольниковъ, собственно говоря, представляли собой

1) Указъ Пр. Сен. отъ 24 июля 1756 года.

2) Указъ Пр. Сен. отъ 23 ноября 1760 года.

3) Указъ Пр. Сен. отъ 19 іюня 1761 года.

4) *Генеральное Собраніе Законовъ*, т. 15, № 11, 434.

явленія одного порядка. И то и другое по своему существу было выраженіемъ протеста противъ гнета и насилія. Какъ бѣглецы, такъ и самосожигатели были люди съ повышенной чувствительностью. Такія лица особенно не могли мириться съ тѣмъ положеніемъ, въ которое ставила ихъ правительственная власть, и они предпочитали уйти отъ такого порядка вещей. Но въ то время, какъ одни изъ нихъ уходили въ иныя мѣста, другія предпочитали уйти изъ жизни совсѣмъ. Можетъ быть, первые были болѣе здоровыми людьми, съ болѣе уравновѣшенной психикой, а вторые—болѣе слабыми и хрупкими натурами, носившими въ себѣ зачатки душевныхъ заболѣваній; но и тѣхъ и другихъ родило одно чувство—чувство пассивнаго протеста противъ ужасовъ религіознаго насилія. Бѣгство и самосожигательство раскольниковъ порождались одними и тѣми же социальными мотивами. Поэтому и бороться съ этими явленіями надлежало тоже одними мѣрами. Правительство Петра III-го поняло эго и въ борьбѣ съ самосожигателями продолжало идти по тому пути, который былъ намѣченъ имъ въ указѣ 29 ноября.

1 февраля 1762-го года Правительствующимъ Сенатомъ былъ изданъ слѣдующій указъ: „Правительствующій Сенатъ приказали: во всѣхъ Губерніи послать указы, которыми велѣтъ, во всѣхъ мѣстахъ каждой Губерніи своего вѣдомства обстоятельно, чрезъ кого пристойно, развѣдать, нѣтъ ли гдѣ раскольническихъ для сожженія своего сборищъ, и ежели такія богомерзкія сборища гдѣ окажутся, то немедленно посылать туда достойныхъ людей, и велѣтъ имъ всячески стараться чрезъ увѣщаніи отъ такого оныхъ раскольниковъ душепагубнаго намѣренія удерживать, и спрашивать ихъ, чего ради они такое душепогубное намѣреніе чинятъ; и ежели показывать будутъ, что такое богомерзкое намѣреніе воспріяли они отъ причиняемыхъ имъ по одному ихъ расколу притѣсненій и забирая подъ карауль, то ихъ увѣрять, что производимыя объ нихъ слѣдствія уже уничтожить повелѣно, которыя и дѣйствительно нынѣ оставить, и содержащихся подъ карауломъ тотчасъ въ дома отпустить, и вновь никого не заирать, и быть тѣмъ посланнымъ въ оныхъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока тѣ раскольники совсѣмъ то свое душепогубное намѣреніе оставятъ и разойдутся въ дома“¹⁾.

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ, т. 15, № 11, 435.

Въ этомъ законодательномъ актѣ содержатся ясныя указанія на то, что самосожженіе раскольниковъ было прямымъ слѣдствіемъ „причиняемыхъ имъ по одному ихъ расколу притѣсненій и забирація подѣ карауль“. Въ половинѣ XVIII вѣка эта именно причина самосожженія раскольниковъ стояла на первомъ планѣ. Другіе мотивы такой формы самоистребленія, скрывавшіеся въ религіозномъ міросозерцаніи раскольниковъ, въ эту пору были только сопутствующими, но не главными причинами. Въ этомъ отношеніи особенно любопытнымъ представляется одно замѣчаніе въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 23 ноября 1760 года. Въ указѣ между прочимъ говорится, что 11 октября этого года въ Заболотской вотчинѣ, епархіи Новгородскаго Архіепископа, уклонились въ расколъ 15 человекъ православныхъ; на увѣщанія священниковъ эти новые раскольники прямо заявили, что „ежели ихъ будутъ ловить, то они сожгутся, или въ Олонецъ къ раскольникамъ убѣгутъ“.

Указъ 1 февраля 1762 года, повидимому, долженъ былъ касаться только раскольниковъ-самосожигателей. Но имъ же затрагивалось и общее положеніе старообрядцевъ. Указъ повелѣвалъ принять мѣры къ обваруженію сборищъ раскольниковъ, рѣшившихся предать себя самосожженію; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ указывались и способы, при помощи которыхъ надлежало отвращать фанатиковъ отъ ихъ безумія. Но рекомендуемыя средства могли, по смыслу указа, относиться какъ къ тѣмъ, которые собрались уже въ одно мѣсто для учиненія надъ собою акта самоистребленія, такъ и къ тѣмъ, которые, хотя и не намѣрены были прибѣгать къ самосожженію, но такъ же, какъ и тѣ терпѣли притѣсненія, чинимыя имъ по ихъ расколу. Указъ 1 февраля рѣшалъ собственно два вопроса: о раскольникахъ-самосожженцахъ и раскольникахъ вообще, претерпѣвавшихъ притѣсненія за свое содержаніе раскола и содержавшихся подѣ карауломъ. Указъ повелѣвалъ прекратить дѣла какъ о тѣхъ, такъ и о другихъ раскольникахъ. Такимъ образомъ онъ являлся на самомъ дѣлѣ съ болѣе широкимъ содержаніемъ, чѣмъ это можетъ казаться на первый взглядъ. Указомъ собственно фактически узаконялось свободное содержаніе старообрядческаго закона всѣми раскольниками. Во всякомъ случаѣ для нихъ отселѣ представлялась полная возможность

отстаивать свою раскольническую свободу на основаніи этого именно указа, въ которомъ ясно было сказано: „содержащихся подъ карауломъ тотчасъ въ дома отпустить и вновь никого не забирать“.

Разсмотрѣнные законодательные акты касались обширныхъ групповыхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ старообрядчествѣ начала второй половины XVIII вѣка. Но правительству Петра III-го приходилось имѣть дѣло и съ отдѣльными случаями изъ жизни старообрядцевъ, съ частными челобитьями и просьбами.

Въ началѣ 1762-го года въ Петербургъ явился повѣренный записныхъ раскольниковъ, жившихъ келейно по разнымъ лѣсамъ Балахонскаго и Юрьевоцкаго уѣздовъ, Нижегородской губерніи, раскольщикъ же Афанасій Ивановъ, и подалъ въ Сенатъ отъ имени своихъ довѣрителей просьбу, въ которой прежде всего заключалась жалоба на то, что вышеозначенные раскольники терпятъ „немалыя нападенія и притѣсненія отъ взятокъ“ въ Духовныхъ Правленіяхъ, и что съ 1716 года въ Нижегородской губерніи по переписи было положено въ окладъ раскольниковъ обоюго пола до 40.000 душъ, въ томъ числѣ келейныхъ жителей до 8.000 и болѣе, и отъ показанныхъ притѣсненій принуждены они были разойтись врознь, и нынѣ осталось только 780 душъ, а не болѣе, да и во всей де губерніи не болѣе какъ тысячъ до пяти состоитъ, ктому-же де и при платежѣ въ городахъ за расколь положенныхъ денегъ происходитъ имъ разоренія и убытки, да и квитанціи платежныя не скоро даютъ“; поэтому раскольники просили, чтобы положенныя съ нихъ деньги имъ разрѣшили платить прямо въ Раскольническую Контору; вмѣстѣ съ тѣмъ для избѣжанія обидъ и притѣсненій они желали бы быть присвоенными къ желѣзному Верхъ-Исетскому заводу графа Романа Ларионовича Воронцова для исполненія заводскихъ работъ вѣчно, „а въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ о защищеніи отъ чинимыхъ имъ отъ Балахонскаго и Юрьевоцкаго Духовнаго Правленія неспосныхъ обидъ“ они ходатайствовали „учинить милостивое предстательство“; при этомъ раскольники заявляли, что „если та милость съ ними послѣдовать имѣеть, то прочіе ихъ братья, таковыя раскольники, видя, что за нихъ такое защищеніе учинено, многіе, не токмо живущіе здѣсь въ Рос-

сіи отъ такихъ же чинимыхъ имъ притѣсненій потаенно, но и изъ Польши на прежнія свои жилища непременно возвратятся“. По учиненной справкѣ, Сенатъ приказалъ: „къ опредѣленію для защищенія тѣхъ раскольниковъ представить Сенату отъ Герольдіи изъ отставныхъ оберъ-офицеровъ для спекунства челоувѣка достойнаго, на котораго бѣ въ томъ дѣлѣ положиться было можно; а положенныя на нихъ за расколъ деньги, не внося въ Нижегородскую Губернскую и въ другія Городовыя Кавцеларіи платить имъ въ положенные сроки прямо въ Раскольниковую Контору, понеже оный доходъ до той Конторы принадлежитъ, которой въ томъ платежѣ взять съ нихъ, раскольниковъ, обязательно по указамъ, а по немъ и деньги взыскивать въ сроки безъ ослабленія“¹⁾.

Изъ всѣхъ просьбъ, заявленныхъ повѣреннымъ Афанасьемъ Ивановымъ, правительство только одну удовлетворило полностью. Оно разрѣшило вносить полсжеенныя съ раскольниковъ деньги непосредственно въ Раскольниковую Контору, минуя мѣстныя учрежденія. Въ этомъ нельзя не видѣть предупредительнаго вниманія къ раскольникамъ со стороны свѣтской власти. Тѣ мелкія придирки и притѣсненія, которыя чинились властями при взиманіи съ раскольниковъ положенный на нихъ окладъ были не столько тяжелы для старообрядцевъ, сколько обидны. Эти придирки носили характеръ издѣвательства. Поэтому для раскольниковъ было вполне естественнымъ стремленіе освободиться отъ такого порядка вещей. А правительство, которое шло на встрѣчу желаніямъ раскольниковъ, дѣйствительно оказывало имъ этимъ громадную услугу не въ смыслѣ расширенія ихъ правъ, а въ смыслѣ поднятія ихъ моральнаго самочувствія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло быть даже болѣе цѣннымъ, чѣмъ ихъ права въ гражданскомъ отношеніи. Такимъ образомъ и въ этомъ вопросѣ правительство Петра III го продолжало идти по пути улучшенія положенія раскольниковъ. Правда, можно было бы ожидать, что въ этомъ отношеніи пойдетъ также новыми путями; можно было бы думать, что правительство, возвѣстившее уже высокія начала полной свободы вѣроисповѣданія старообрядческаго, или изхѣ-

¹⁾ *Описовъ, Н. И.* сіл. ор., стр. 36—37.

нить систему раскольническаго налога или даже совсѣмъ отмѣнить его. Но этого не случилось. Правительство Петра III-го на этотъ разъ осталось на старомъ пути и не только не внесло въ этотъ вопросъ ничего новаго, но еще разъ подтвердило, что съ раскольниковъ слѣдуетъ „деньги взыскивать въ сроки безъ послабленія“.

Изъ другихъ просьбъ, переданныхъ Афанасіемъ Ивановымъ, Сенатъ одну удовлетворилъ нѣсколько иначе, а другую оставилъ безъ всякаго вниманія.

Раскольники просили Сенатъ учинить милостивое предстательство предъ Св. Синодомъ о защищеніи ихъ отъ притѣсненій и нападеній мѣстныхъ духовныхъ властей. Но Сенатъ, признавъ необходимость защиты, не сталъ дѣлать такъ, какъ просили раскольники, а приказалъ назначить для защищенія отъ притѣсненій и обидъ оберъ-офицера изъ Герольдіи, человѣка достойнаго, на котораго бы въ томъ дѣлѣ положиться было можно. Въ этомъ лишній разъ сказалось полное недовѣріе свѣтскаго правительства Петра III-го къ духовной власти. И если такое отношеніе къ ней было вообще естественнѣе со стороны правительства Петра III-го, то въ данномъ случаѣ оно имѣло для себя дѣйствительно серьезныя основанія. Отношеніе духовной власти къ раскольникамъ въ предшествующее царствованіе было по истинѣ жестокимъ, и всѣ распоряженія духовной власти, касавшіяся раскольниковъ, представляли собою выразительное доказательство того, что она, какъ сторона заинтересованная, никогда не можетъ быть въ болѣе или менѣе объективныхъ отношеніяхъ къ старообрядцамъ. Вотъ почему, если уже признавать необходимость защиты раскольниковъ, то ее нужно было поручить лицу свѣтскому, какъ болѣе способному отнестись къ дѣлу безпристрастно, и при томъ человѣку достойному, въ которомъ можно было бы быть вполне увѣреннымъ. Такое рѣшеніе вопроса гарантировало дѣйствительную защиту раскольниковъ въ болѣе степени, чѣмъ то средство, какое указывалось отъ лица келейныхъ раскольниковъ Афанасіемъ Ивановымъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ правительство дѣлало для нихъ больше, чѣмъ даже они просили сами.

Раскольники просили, для избѣжанія притѣсненій и обидъ, приписать ихъ къ Верхне-Исетскому заводу гр. Р. Л. Ворон-

цова. Но Сенатъ на эту просьбу не обратилъ даже и вниманія. Почему? Намъ кажется, что это сдѣлано было имъ прежде всего потому, что онъ считалъ вполне достаточнымъ для означенной цѣли и того одного средства, которое было предложено имъ. Но могло быть и другое соображеніе. Исполненіе просьбы раскольниковъ сдѣлало бы ихъ положеніе въ социальномъ-экономическомъ отношеніи болѣе худшимъ, чѣмъ то, въ какомъ они были въ это время. Извѣстно, что приписные раскольники не жили постоянно на заводахъ, а являлись туда въ опредѣленное время, для того, чтобы заработать тамъ свой подушный окладъ; то было, конечно, заманчиво. Но вскорѣ же въ силу естественнаго порядка вещей положеніе этихъ приписныхъ крестьянъ становилось невыносимымъ. Приписные крестьяне жили обыкновенно вдали отъ заводовъ, вслѣдствіе чего у нихъ получалась большая трата времени на эти продолжительныя путешествія на заводы и обратно, а дома ихъ и хозяйства оставались, благодаря этому, въ полномъ забросѣ; и эти упущенія въ собственномъ хозяйствѣ не могли никогда покрыться тѣмъ заработкомъ, который давалъ имъ заводъ. Результатомъ этого являлось полное экономическое оскудѣніе и обнищаніе ихъ¹⁾. Такое положеніе того состоявія, о которомъ просили раскольники, для правительства представлялось яснѣй и отчетливѣй, чѣмъ для келейныхъ жителей Нижегородскихъ лѣсовъ. Раскольники просили собственно для себя гораздо худшаго. Возможно, что именно поэтому правительство не сочло нужнымъ удовлетворять ихъ просьбы. Если такое соображеніе дѣйствительно у правительства было, то и въ данномъ вопросѣ оно обнаружило по отношенію къ раскольникамъ вниманія и предупредительности гораздо больше, чѣмъ на это рассчитывали сами раскольники.

Перечисленными законодательными актами собственно и исчерпывается дѣятельность свѣтскаго правительства Петра Ш-го по отношенію къ старообрядцамъ. Было, впрочемъ, еще одно распоряженіе Сената, касавшееся раскольниковъ; это именно опредѣленіе его объ отпускѣ казенныхъ денегъ, въ размѣрѣ 500 рублей, на построеніе церкви въ раскольнической слободѣ Климовой и о производствѣ ежегоднаго жа-

¹⁾ *Цирковъ*, вѣд. опр., стр. 36—37.

лованья причту этой церкви, въ размѣрѣ 300 рублей, изъ- собираемой съ мѣстныхъ раскольниковъ денежной суммы ¹⁾. Но это распоряженіе не имѣетъ специфически свѣтскаго характера и относится скорѣе къ области церковно-гражданскихъ мѣръ; и поэтому мы останавливаться на немъ не будемъ.

Такимъ образомъ, основной чертой политики правительства Петра III-го въ отношеніи къ раскольникамъ было стремленіе предоставить имъ право свободнаго содержанія ихъ закона. Правительство Петра III-го одушевлено было желаніемъ уничтожить обиды и притѣсненія, чинимыя раскольникамъ за самое содержаніе раскола, и установить такой порядокъ вещей, при которомъ раскольники могли бы безпрепятственно отправлять свои религіозныя потребности „по ихъ обыкновенію и старопечатнымъ книгамъ“. Такимъ образомъ содержаніе раскола, по мысли правительства Петра III-го, казалось, не должно было почитаться преступленіемъ. А съ другой стороны, это же правительство не хотѣло освободить раскольниковъ отъ наложеннаго на нихъ штрафа за принадлежность къ расколу. Получалась явная непослѣдовательность. Но на практикѣ, въ жизни эта непослѣдовательность не подчеркивалась и поэтому не была замѣтна.

Допуская свободное содержаніе раскола, правительство Петра III-го естественно должно было вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить свое отношеніе и къ вопросамъ о такъ называемомъ публичномъ оказательствѣ раскола и о свободѣ открытой пропаганды его. Но какъ оно предполагало относиться къ такимъ вопросамъ—отвѣта на это мы не найдемъ въ законодательныхъ актахъ того времени. Можно, однако, думать, судя по общей вѣронеповѣдвой политикѣ правительства Петра III-го ²⁾, что и въ этомъ отношеніи оно намѣрено было представить раскольникамъ полную свободу.

Обзоръ законодательной дѣятельности правительства Пет-

¹⁾ См. Собраніе постановленій по части раскола. Кн. I-я, стр. 390—391. Въ Полномъ Собраніи Законовъ этого акта нѣтъ.

²⁾ Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что вопросъ объ общей вѣронеповѣдвой политикѣ правительства Петра III-го все еще остается невыясненнымъ въ должной степени. Обычное рѣшеніе этого вопроса, принимаемое учеными изслѣдователями, страдаетъ большими неточностями и нуждается въ серьезномъ пересмотрѣ.

ра III-го въ отношеніи къ раскольникамъ даетъ полное основаніе сказать, что время царствованія Петра III-го въ исторіи раскола должно быть названо золотымъ вѣкомъ, къ которому долгое время послѣ этого обращались взоры старообрядцевъ, думавшихъ о расширеніи своихъ правъ. Но этотъ золотой вѣкъ продолжался недолго и уже въ слѣдующее царствованіе онъ становится все больше и больше удаляющеюся мечтою.

II. Какіе же мотивы понуждали правительство Петра III-го принять именно такую, а не иную политику въ отношеніи къ раскольникамъ? Отвлеченныя ли начала вѣротерпимости заставляли его объявить свободное содержаніе раскольниками ихъ вѣроученія, или какія-либо другія причины понуждали его стать на этотъ путь?

Принято думать, что отмѣченный характеръ отношенія правительства Петра III-го къ раскольникамъ обуславливался не отвлеченными принципами вѣротерпимости, а практическими расчетами людей, близкихъ къ Петру, которые хотѣли царскими милостями упрочить положеніе Императора и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить свое собственное вліяніе ¹⁾. Мы, однако, не допускаемъ, чтобы эти причины имѣли мѣсто въ данномъ случаѣ.

Мы уже имѣли возможность видѣть, что принимать вышеуказанныя мѣры по отношенію къ раскольникамъ правительство Петра III-го заставлялъ естественный ходъ событій. Характеръ раннѣйшаго отношенія правительства къ раскольникамъ давалъ только отрицательные результаты. И продолжать такую политику значило топтаться на одномъ мѣстѣ. Между тѣмъ событія, происходившія въ старообрядческомъ мірѣ, заставляли правительство принимать рѣшительныя мѣры. И правительство Петра III-го, издавая разсмотрѣнные законодательные акты, дѣйствовало въ этомъ случаѣ изъ соображеній государственной пользы, какъ оно понимало ее. Такія мѣропріятія обуславливались прямыми требованіями жизни, а не были искусственнымъ созданіемъ интригующихъ людей. Можетъ быть, ошибка правительства заключалась въ томъ, что оно стремилось удовлетворить эти требованія полностью, вмѣсто того, чтобы установить извѣст-

¹⁾ *Илюстрованіе*. В. О. сн. оп., стр. 460.

ный компромиссъ. Но это уже недостатокъ творческаго ума законодателя, а не проявленіе его интригующей воли.

Да и какимъ образомъ принятая правительствомъ Петра III-го политика въ отношеніи къ раскольникамъ могла способствовать упроченію положенія Императора? Когда подобные мотивы указываются при объясненіи причинъ появленія указа о вольности дворянства, это становится понятнымъ. Близкіе къ Императору люди такимъ именно путемъ стремились создать себѣ нѣкоторую опору въ той средѣ, которая дѣйствительно могла оказать поддержку. Но какую поддержку могли оказать имъ раскольники? Вѣдь простая популярность въ народѣ не могла имѣть дѣйствительнаго и серьезнаго значенія въ такихъ вопросахъ, какъ вопросъ о положеніи Императора и его сподвижниковъ. Въ то время эти вопросы рѣшались иначе и обуславливались причинами, лежавшими въ другой плоскости. Къ голосу народа апеллировали въ то время тогда, когда требовалось оправдать уже совершившійся фактъ, но этого голоса не слушали тогда, когда готовились къ совершенію этого факта ¹⁾.

Къ соображеніямъ государственной пользы и государственнаго порядка, какъ основнымъ причинамъ принятой правительствомъ Петра III-го въ отношеніи къ раскольникамъ политики могли, конечно, примѣшиваться и другіе мотивы. И въ ряду этихъ мотивовъ главнѣйшее мѣсто должно быть отведено извѣстному презрительному отношенію Петра III-го къ православной церкви и ея представителямъ. Петръ

1) „Въ Россіи въ оснадцатомъ вѣкѣ перевороты придворныя были дѣломъ обычнымъ, говоритъ Герценъ. Не было ничего постояннаго. Ложась вечеромъ въ постель, жители Петербургскіе никогда не знали, подъ властью какого правительства застанетъ ихъ будущее утро. Зато и Россія мало заботилась о всѣхъ этихъ переворотахъ, которые были особенно важными лишь для нѣкоторыхъ нѣмецкихъ интригановъ...; для нѣкоторыхъ знатныхъ баръ, посѣдившихъ во всѣхъ преступленіяхъ и въ обычаѣ нарушать данную имъ присягу, и для гвардіи, которая, подобно древнимъ римлянамъ преторіанцамъ, располагала русскимъ престоломъ. Для всѣхъ прочихъ русскихъ перемѣна была нечувствительна. И когда мы говоримъ о всѣхъ прочихъ, это относится къ дворянству и къ чиновникамъ: потому что въ то время не могло быть и рѣчи о массѣ народной, придавленной, грустной, ошеломленной и безвластной; о ней никто тогда и не заботился“. См. книгу кн. Петра Долгорукова „Правда о Россіи“ Парижское изданіе 1861 года, стр. 49.

III-й глумился надъ православною обрядностью и положи- тельно ненавидѣлъ русское духовенство. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, соглашаясь предоставить рас- кольникамъ свободу содержанія ихъ закона, онъ тѣмъ са- мымъ хотѣлъ унижить официальную церковь, лишить ее могущественнаго вліянія и низвести ее на степень обычнаго вѣроисповѣднаго общества. Ужъ слишкомъ много было по- зволено православному духовенству въ царствованіе его тетки, слишкомъ большую силу забрали себѣ высшіе православные іерархи въ ея блаженныя времена. И если Елизавета Пе- тровна способна была плакать и только плакать „отъ не- справедливаго рѣшенія, вырваннаго происками“ Синода ¹⁾, то у ея племянника этой способности не оказалось. Съ та- кимъ вліяніемъ духовенства онъ помириться не могъ, и есте- ственно всегда охотно шелъ на встрѣчу всему тому, что было въ состояніи причинить ущербъ выгодамъ и вліянію ненавистнаго ему сословія.

III. Въ заключеніе намъ хотѣлось бы остановить нѣкото- рое вниманіе на вопросѣ о томъ, кто былъ дѣйствительнымъ вдохновителемъ той политики, которая была принята въ от- ношеніи къ раскольникамъ въ царствованіе Петра III-го.

Мы уже видѣли, что самъ Императоръ не могъ выступать въ этой роли въ силу личныхъ своихъ качествъ и склон- ностей, а государственныя соображенія, лежавшія въ осно- ваніи этой политики, едва ли могли занимать его такъ на- стойчиво и послѣдовательно. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ игралъ главную роль кто-то другой. И мы думаемъ что такимъ лицомъ былъ извѣстный дѣятель царствованія Петра III-го Александръ Ивановичъ Глѣбовъ.

А. И. Глѣбовъ—личность съ печальной исторической ре- путаціей ²⁾. По словамъ Екатерины II-ой, это былъ государ-

¹⁾ *Ключевскій, В. О.*, сіт. ор., стр. 454.

²⁾ Подробныя свѣдѣнія о Глѣбовѣ имѣются въ недавно вышедшемъ трудѣ г. Ильина: „Село Виноградово, Московскаго уѣзда, во владѣніи Пушкиныхъ, князя В. В. Долгорукова, князей Вяземскихъ, А. И. Глѣбо- ва и Бенкендорфа“. Но сообщаемыя здѣсь извѣстія не всегда точны и вѣрны. Книгой г. Ильина слѣдуетъ пользоваться осторожно, несмотря на то, что авторъ въ своемъ распоряженіи имѣлъ документы семейнаго Глѣбовскаго архива.

ственный плутъ и мошенникъ. Но несомнѣнно, что А. И. Глѣбовъ былъ человѣкомъ выдающимся среди лицъ, окружавшихъ Петра III го. Его вліяніе на Императора было положительно громаднымъ. Кн. Шаховской рассказываетъ, что еще за нѣсколько часовъ до смерти Елизаветы Петровны А. И. Глѣбовъ и Н. Ю. Трубецкой обращались къ Великому Князю „на подобіе какъ съ докладами или для наставленія“¹⁾. А. И. Глѣбовъ ежедневно являлся во дворецъ въ 8 часовъ утра и здѣсь принималъ весьма дѣятельное участіе въ обсужденіи различныхъ законодательныхъ предположеній. А затѣмъ отъ Императора онъ ѣхалъ въ Сенатъ и здѣсь передавалъ Высочайшіе Именные указы по вопросамъ, о которыхъ онъ только что имѣлъ сужденіе съ Императоромъ. „Глѣбовъ занималъ совершенно особое положеніе между Сенатомъ и Государемъ. Чуть не всѣ резолюціи по докладамъ Сената, если только онъ не ограничивались однимъ утвержденіемъ представленнаго доклада, а содержали еще и какія-либо указанія“, Государемъ были „только подписаны“, а писались онѣ всѣ рукою А. И. Глѣбова²⁾. Вся внутренняя политика велась черезъ Глѣбова, или вѣрнѣе—самимъ Глѣбовымъ. Естественно поэтому предположить, что и вопросъ о раскольникахъ своимъ направленіемъ былъ обязанъ именно этому сановнику. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить то обстоятельство, что Именной указъ 29 января былъ объявленъ Сенату А. И. Глѣбовымъ. Въ данномъ случаѣ объявленіе указа не было простой передачей ясно выраженной и точно сформулированной мысли Монарха; это была цѣлая программа, которую могъ передать точно и вѣрно только тотъ, кто былъ фактическимъ создателемъ ея.

Н. Г. Высоцкій.

¹⁾ „У Глѣбова очень большія способности, соединенныя съ равнымъ прилежаніемъ,—имѣть Елизаветина въ своихъ Замѣткахъ; его блестящая находчивость, но онъ плутъ и мошенникъ, способный, однако, на большую привязанность. Жаль, что онъ мелодымъ попалъ въ руки Петра Шувалова, по образу котораго онъ и сформировался; онъ слишкомъ твердъ, чтобы можно было надѣяться, что онъ измѣнится; только его личный интересъ можетъ его заставить измѣниться, это все, на что можно надѣяться“. *Замѣтка*, СПб. 1907 г., стр. 710—711.

²⁾ Исторія Правительствующаго Сената за двѣдцать лѣтъ. СПб. 1911